

Салтыков-Щедрин о литературе

Н. Щедрин (М. Е. Салтыков) о литературе. М. Гослитиздат. 1952.
700 стр.

Огромный вклад в сокровищницу русской культуры внёс гениальный русский сатирик, гневный обличитель дворянско-буржуазного строя М. Е. Салтыков-Щедрин. В его творчестве ярко выражены лучшие традиции передовой, демократической русской литературы XIX века. Литературное наследие Щедрина является национальным достоянием советского народа. Наша партия призывает советских писателей развивать традиции классиков русской сатиры. «Нам нужны советские Гоголи и Щедрины, которые огнём сатиры выжигали бы из жизни всё отрицательное, прогнившее, омертвевшее, всё то, что тормозит движение вперёд», — сказал Г. М. Маленков в отчётном докладе XIX съезду партии о работе ЦК.

Многие читатели знают Щедрина преимущественно как автора незабываемых произведений «Помпадуры и помпадурши», «История одного города», «Господа Головлёвы», «Благонамеренные речи» и других шедевров художественной сатиры. Стремясь пробудить в народе протест против крепостничества и царского самодержавия, Щедрин-художник создал целую галерею бессмертных сатирических образов: градоначальника Угрюм-Бурчеева, помещика-крепостника Иудушки Головлёва, буржуазного хищника Дерунова и прочих представителей господствующих классов царской России.

Но Щедрин выступал не только как писатель-художник, а и как литературный критик. Он всегда был в гуще литературной борьбы. Мимо его внимания не проходило ни одно более или менее значительное явление литературной жизни. В своих журнальных политических обозрениях, в литературно-критических статьях и рецензиях Щедрин защищал революционно-демократический лагерь и его передовую, прогрессивную литературу. Вместе с тем он неустанно разоблачал самодержавно-помещичий лагерь и его реакционную дворянскую беллетристику. Эти выступления Щедрина и сейчас не потеряли своего общественного значения и представляют для нас живой интерес. Вот почему следует приветствовать выход в свет книги «Н. Щедрин (М. Е. Салтыков) о литературе», в которой собраны статьи, рецензии и отрывки из художественных произведений Щедрина, посвящённые вопросам литературы.

Щедрин горячо любил передовую русскую литературу, которая служила делу просвещения и освобождения народа, в ней видел воплощение всех духовных сил страны и гордился своей принадлежностью к числу передовых русских писателей. «Я страстно и исключительно предан литературе», — писал он. Эта литература бессмертна и «вечно будет жить и в памятниках прошлого, и в памятниках настоящего, и в памятниках будущего».

Антипатриотов из реакционного лагеря, которые не дорожили ни своим отечеством, ни отечественной литературой, Щедрин клеймил позором. Отечество для хищника Разуваева — «это падаль, брошенная на расклевание ему и прочим кровопийственных дел мастерам», — писал сатирик в «Убежище Монрепо». Для «культурного человека», консерватора Износкова («Недоконченные беседы») литература — это «помойная яма».

«Я лично по-русски давно ничего не читаю, — с барским пренебрежением говорит Изюсков, — я считаю нашу литературу помойной ямой, в которую сваливаются все общественные нечистоты...»

Срывая с разных изюсковых маску «культурности», великий русский сатирик показывал их паразитическую сущность, лживость и продажность, духовную опустошённость, их «желудочно-половой космополитизм». Щедрин презирал либерально-буржуазных исследователей, сторонников антинаучной «теории заимствования», которые во всём русском видели только слепое подражание буржуазному Западу. Особенно возмущало Щедрина то, что эти горе-исследователи свою «теорию заимствования» распространяли и на русское народное творчество, на русские былинны. В «Дневнике провинциала в Петербурге» сатирик со злой иронией изобразил «пенкоснимателя» Неуважай-Корыто, автора «Исследования о Чурилке», который «доказывал», что герой русского эпоса Чурило был не кто иной, как швабский дворянин Чуриль, что Владимир Красное Солнышко был датчанин Канут, а Илья Муромец и Добрыня Никитич — сподвижники этого Канута. Там же изображён другой либеральный «исследователь», Болиголова, автор диссертации «Русская песня: *Чижики! чижики! где ты был?* — перед судом критики». Сатирик изобразил его ораторствующим в группе «пенкоснимателей». Этот «учёный», забыв всякое уважение к родному искусству, сделал «открытие», что даже «Чижика» мы не сами сочинили, а позаимствовали.

«— Ужели же, наконец, и «Чижики, чижики! где ты был»? — изумлялись окружающие пенкосниматели.

— Подлог-с!

— Позвольте-с! Но каким же образом вы объясните стих «на Фонтанке воду пил»? Фонтанка — ведь это, наконец... Наконец я вам должен сказать, что наш почтеннейший Иван Семенович живет на Фонтанке!

— И пьет оттуда воду! — сострил кто-то.

— Подлог! подлог! и подлог-с! В мавританском подлиннике именно сказано: «на Гвадалквивире воду пил». Всю Европу, батюшка, извездил, чтобы убедиться в этом!

— Это удивительно! Но как вам пришло на мысль усомниться в подлинности «Чижика»!

— Ну, уж это, батюшка, специальность моя такова!» (стр. 534).

Полные убийственной иронии щедринские слова и сегодня направлены в цель — против тех литературоведов-антипатриотов, которые, как и Болиголова, не ценят русской национальной культуры.

В своей литературно-критической деятельности Щедрин руководствовался теми эстетическими принципами, которые сложились у него под влиянием идей Белинского, Чернышевского, Добролюбова. Сатирик не только полностью разделял общественно-политические идеи и литературно-эстетические взгляды русских революционно-демократических писателей и критиков, но углублял и развивал их.

Как и все великие революционные демократы, Салтыков-Щедрин был глашатаем высокой идейности искусства и его огромного общественного значения. Он находил в литературе «высшее выражение стремлений общества», видел в ней могучее средство служения народу. Литература, считал он, не может отгораживаться от жизни, должна учить людей правильно оценивать общественные явления, давать ответы на самые острые вопросы современности. «Литература и пропаганда — одно и то же».

Борьба Щедрина за боевое, высокоидейное искусство, против так называемого «чистого искусства» отражала борьбу двух противоположных лагерей: революционно-демократического и дворянско-крепостнического. Эту борьбу в 40-х годах прошлого столетия начал Белинский. В 50—60-х годах её продолжили Чернышевский и Добролюбов. Они разоблачали лицемерие и ханжество сторонников «чистого искусства», утверждавших, будто искусство не может служить какому-либо обще-

422

ственному направлению, ибо оно, по их мнению, свободно возвышается над действительностью. А на самом деле, как показывали великие революционные демократы, отрешённая от жизни муза «чистых эстетов» служила интересам господствующих классов, которым выгодно было отвлечь читателей от активной политической жизни, от борьбы за социальное переустройство действительности. Щедрин шёл по стопам Белинского, Чернышевского, Добролюбова. Он срывал маску «беспристрастного» отношения к жизни с проповедников теории «искусства для искусства» и показывал, что они служат реакционному лагерю, самодержавно-помещичьему строю.

Щедрин боролся за глубоко содержательную, идейно целеустремлённую литературу. По его мнению, ни Сервантес, ни Гёте, ни Шиллер, ни Байрон не были бы великими художниками, если бы они в основу своих произведений не положили действительных стремлений и нужд человечества и если бы они не умели с полной ясностью определить своё отношение к этим стремлениям и нуждам. «Если произведения этих писателей, — писал Щедрин, — имели в свое время громадное воспитательное значение, если это значение и поныне не утратило своей силы, то объяснения этого факта следует искать именно в их тенденциозности, в том, что они беседовали с читателями не о сновидениях, а раскрывали перед ними ту жизненную разрозненность и смуту, под гнетом которых страдало и страдает человечество» (стр. 477—478).

Это положение подтверждается всем многообразным творчеством самого Щедрина. О чём бы он ни писал, какие бы типы старого, дворянско-буржуазного общества ни изображал, перед его духовным взором всегда стоял русский народ с его нуждами, горестями и надеждами. Пером гениального сатирика всегда руководила горячая любовь к народу, сердечная боль за его рабское положение, желание вывести его из неволи на свободу, из тьмы — к свету. Любовь к народу порождала у писателя святую ненависть к паразитическому строю, который держал десятки миллионов людей в кабале и невежестве.

Щедрин защищал и пропагандировал реалистическое направление в русской литературе. Будучи сам крупнейшим представителем критического реализма, он ратовал за правдивое искусство, за его народность, требовал, чтобы писатели в своих произведениях показывали правду жизни. Вместе с тем Щедрин не раз отмечал, что писатель-реалист не должен быть эмпириком, копирующим жизнь. Нельзя понятие «реализм» смешивать с понятием «грубого, механического списывания с натуры». Щедрин был ярким врагом натурализма. В очерках «За рубежом» он высмеял натуралиста «французского пошиба», который «никогда не знает, что он сейчас напишет, а знает только, что сколько посидит, столько и напишет». Сатирик иронически сформулировал несложный эстетический кодекс этого писателя-фотографа: «...я описываю только то, что в жизни бывает. Вижу забор — говорю: забор; вижу поясицу — говорю: поясица» (стр. 602—603). Нет, говорит Щедрин, писатель-реалист не может ограничиться только голой передачей внешних признаков; не на них он останавливает главное своё внимание. «Везде, даже в самой ничтожной подробности, он допытывается того интимного смысла, той внутренней жизни, которые одни только и могут дать факту действительное значение и силу» (стр. 111). Мало изобразить событие, указывал Щедрин, надо разъяснить читателю смысл этого события, раскрыть его внутреннюю историю, чтобы оно не отзывалось выдумкой, а «носило в себе признаки жизненной правды».

Либерально-буржуазные критики в своё время обвиняли Щедрина в том, что он якобы сам является эмпириком, фотографирует неблагоприятные поступки отдельных недостойных людей. В произведении «Круглый год» сатирик решительно отвёл от себя это обвинение. «Я никого не быю по щекам, — писал он, — хотя некоторые «критики» и уверяют, что я толь-

ко этим и занимаюсь. Моя резкость имеет в виду не личности, а известную совокупность явлений, в которой и заключается источник всех зол, угнетающих человечество» (стр. 586). Художник больших обобщений, Щедрин в своих романах, повестях и очерках создал целую галерею типичных характеров, бессмертных сатирических образов.

Щедрин считал, что у писателя должно быть ясное мирозерцание, ясное представление, во имя чего, за кого и против кого он поднимает голос. «...Неясность мирозерцания,— писал Щедрин,— есть недостаток настолько важный, что всю творческую деятельность художника сводит к нулю» (стр. 477). Без ясного мирозерцания писатель не мог бы правильно разобраться в многообразии жизненных явлений, в многочисленных фактах живой действительности, не сумел бы понять характер, смысл этих явлений и фактов и их значение в общем ходе жизни. Общественное значение писателя Щедрин видел в том, чтобы «пролить луч света на всякого рода нравственные и умственные неурядицы, чтоб освежить всякого рода духоты веяньем идеала» (стр. 97—98).

В своих статьях и рецензиях Щедрин не раз указывал писателям на их главную обязанность — правдиво изображать внутренний мир героев. Этот мир чрезвычайно разнообразен. Внутренняя сфера человека не изобилует внешними признаками, и писателю с ограниченными взглядами и неспособностью мысли к обобщениям трудно в ней разобраться. Тут нельзя обойтись только сухим перечнем мыслей человека. Чтобы мысль составила существенное и жизненное достояние человека, «надобно, чтобы она выразилась или в целом ряде повторительных действий, или хотя и в одиночном действии, но настолько характерном и решительном, что оно дает поворот целой жизни...» (стр. 382).

Сатирик утверждал, что писатель с ограниченным мировоззрением, не умеющий обобщать факты и явления жизни, не в состоянии понять и отобразить внутренний мир человека. Таким писателем Щедрин считал А. Писемского и в рецензии на его драму «Горькая судьбина» отмечал, что А. Писемскому недоступно всё то, что выходит из ряда самой простой, обыденной жизни: умыванья, одеванья, питья, еды и половых влечений. «Он удачно ловит внешние признаки и лепит из них фигуры, по большей части довольно выпуклые, но глаза у этих фигур всегда оловянные, а той тонкой струи жизни, которая именно и заставляет выхваченный из действительности образ двигаться, радоваться, страдать и трепетать, здесь нет и в помине» (стр. 96—97).

Как злободневно звучат все эти высказывания русского сатирика о ясности мировоззрения писателя, об идейной целеустремленности его произведений, о правдивом изображении действительности, об умении обобщать жизненные факты и явления и создавать художественные типы.

И в наше время, как указал Г. М. Маленков на XIX съезде партии, «в литературе и искусстве появляется ещё много посредственных, серых, а иногда и просто халтурных произведений, искажающих советскую действительность. Многогранная и кипучая жизнь советского общества в творчестве некоторых писателей и художников изображается вяло и скудно».

Объясняется это тем, что некоторые писатели и художники стоят в стороне от жизни нашего народа, от его кипучей, творческой деятельности. Жизнь советского общества они наблюдают из окон своих кабинетов. Пишут они бесстрастно, равнодушно, по принципу натуралиста: «Сколько посижу, столько и напишу». Советских людей они изображают серыми и вялыми, с «оловянными глазами». Такие сторонние наблюдатели, засевшие в своих кабинетах, не стремятся овладеть марксистско-ленинской теорией, самым передовым мировоззрением нашего времени. Они считают, что превзошли всех учителей и что им нечему больше учить-

ся. Им и в голову не приходит, что они многому могли бы научиться у того же Салтыкова-Щедрина.

Великий русский сатирик совмещал в себе замечательного художника и глубокого мыслителя. Внимательно изучая действительность своего времени, он не останавливался на её поверхности, а проникал в глубину социальной жизни. Он прекрасно понимал, что изображаемые им типы — порождение общественных отношений. Рисуя типичные характеры, Щедрин ставил себе целью разъяснить читателю типичные черты самой реальной действительности, тех жизненных условий дореволюционной России, которые порождали Бородавковых, Топтыгиных, премудрых пискарей и т. п. «Понять и разъяснить эти типы, — писал сатирик, — значит понять и разъяснить типические черты самого положения, которое ими не только не заслоняется, но, напротив того, с их помощью делается более наглядным и рельефным» (стр. 529).

Непревзойдённый мастер сатиры, Щедрин писал о силе её воздействия: «Это оружие очень сильное, ибо ничто так не обескураживает юрока, как сознание, что он угадан и что по поводу его уже раздался смех» (стр. 591). Щедрин говорил, что новая жизнь вторгается в литературу «в форме сатиры, которая провожает в царство теней все отживающее». Именно такой была щедринская сатира, бичевавшая всё то, что угнетало народ, что мешало его пробуждению и освобождению, тормозило его движение вперёд.

Стремясь с наибольшей полнотой и заострённостью выразить сущность явления, Щедрин прибегал к средствам гиперболизации. Он не боялся резко преувеличивать отрицательные свойства и явления, — иногда до фантастических размеров. Если в «Истории одного города» сатирик нарисовал градоначальника с органчиком в голове, то в сказке «Вяленая вобла» он изобразил буржуазного либерала в виде воблы, у которой выпотрошили внутренности и выветрили мозг. И вобла жила и даже произносила либеральные речи... В том-то и заключалось искусство гениального сатирика, что он в фантастическом умел показать реальное, действительное. Он сознательно заострял свои сатирические образы-гротески, не погрешив при этом против жизненной правды и руководствуясь не желанием позабавить читателя, а стремлением более рельефно, выпукло отразить наиболее типическое, характерное в самой жизни. В ответ на либерально-буржуазную критику «Истории одного города», в частности, образа градоначальника Брудастого, Щедрин писал: «Ведь не в том дело, что у Брудастого в голове оказался органчик, наигрывавший романсы: «не потерплю!» и «раззорю!», а в том, что есть люди, которых все существование исчерпывается этими двумя романсами» (стр. 523). Такая фантастика в сути своей реалистична.

Щедрин учил писателей, чтобы они, рисуя художественный образ, создавая тип, подвергали исследованию не только те поступки, которые человек беспрепятственно совершает, но и те, которые, несомненно, совершил бы, если бы умел или смел. Писатель должен иметь в виду не только те речи, которые человек произносит, но и его думы, мысли, высказать которые ему не позволяют стеснения, налагаемые «лицемерием и другими жизненными условностями». Отсутствие таких стеснений, писал Щедрин, «с необычайной яркостью вызовет наружу свойства, остававшиеся дотоле незамеченными, и, напротив, отбросит на задний план то, что на поверхностный взгляд составляло главное определение человека. Но это будет не преувеличение и не искажение действительности, а только разоблачение той *другой* действительности, которая любит прятаться за обыденным фактом и доступна лишь очень и очень пристальному наблюдению. Без этого разоблачения невозможно восприимчивое *всего* человека, невозможен правдивый суд над ним» (стр. 549).

Это было сказано Щедриным восемьдесят лет тому назад. Однако указание сатирика не потеряло своего значения и в наши дни. Совет-

ская литература должна по-щедрински выжигать из нашей жизни пережитки капитализма, недобросовестное отношение к труду, бюрократизм, ротозейство, зазнайство, рвачество, лицемерие, подхалимство и другие пороки. Советский писатель должен уметь обнаруживать порок за «обыденным фактом», уметь за цветистой фразой о самокритике видеть зажимщика критики, под личиной радетеля о государственном добре разглядеть расхитителя общественной собственности.

Материал для сатиры Щедрина давала сама жизнь. Сатирику не было нужды выдумывать «ретивых начальников», «диких помещиков», подхалимовых и других представителей дворянско-буржуазного общества: он их видел в жизни. Сама действительность царской России порождала их. Однако Щедрин глубоко верил в светлое будущее родной страны. Даже в годы наибольшего разгула реакции он видел в русском обществе передовых, прогрессивных людей, которые самоотверженно боролись против самодержавно-крепостнического строя и мечтали о светлом будущем. Их благородные образы воплощены во многих произведениях русской литературы XIX века. Достаточно напомнить образ революционера Рахметова в романе Н. Г. Чернышевского «Что делать?»

Наиболее передовыми, новыми людьми Щедрин считал революционных демократов. Он задумал художественное произведение о Чернышевском, но не мог осуществить своего замысла. О таких передовых людях нельзя было писать ввиду цензурного гнёта и преследований со стороны царского правительства. Стоило только в романе или в рассказе показать более или менее правдиво образ революционера, как журнал или газета, опубликовавшие такое произведение, закрывались, автора же ссылали на каторгу. Щедрин всё это прекрасно знал. В «Дневнике провинциала в Петербурге» он писал: «Таким образом, «новый человек», с его протестом против настоящего, с его идеалами будущего, самую силу обстоятельств устранив из области художественного восприятия, или, говоря скромнее, из области беллетристики. Указывать на его пороки — легко, но жутко; указывать же на его добродетели не только неудобно, но если хорошенько взвесить все условия современного русского быта, то и материально невозможно» (стр. 542—543).

Тем не менее в некоторых своих произведениях сатирик намёками, беглыми штрихами пытался зарисовать нового человека, с революционными взглядами на жизнь, мужественного и деятельного борца против пошлости и дикости тогдашней действительности. Достаточно указать, например, на «непочтительного Короната» в «Благонамеренных речах». Попыткой создать образ положительного героя является сказка «Приключение с Крамольниковым». Щедрин понимал, что положительных героев нужно искать в народной среде — только «их необходимо вызвать из мрака, в котором они ютятся, — писал он, — необходимо очистить от случайных наносов, для того чтобы разглядеть то нравственное изящество, которое они в себе заключают» (стр. 307).

Только в условиях советского строя осуществилась мечта великого русского сатирика. Народные массы освободились из-под ига «разнородных темных сил» и на свободной земле сами создают своё счастье. Каждый день кипучей, творческой жизни в нашей стране выявляет всё новых и новых энтузиастов коммунистического строительства, советских патриотов. Какой благодарный труд для советского писателя — воплотить благородный облик этих людей в художественном образе! Советские писатели призваны выявлять и раскрывать высокие душевные качества и типичные положительные черты характера рядового человека, создавать его яркий художественный образ, достойный быть примером и предметом подражания для людей.

Щедрин принадлежит к числу тех писателей, которые оказали очень сильное влияние на русский литературный язык, значительно обогатили и развили его. Язык произведений Щедрина отличается точностью,

остротой и меткостью. Сатирик ненавидел пустые, стёртые и серые слова; он любил слова полновесные, сильные и яркие. Его красочный, выразительный язык глубоко народен. Народность языка является естественным выражением идейных взглядов писателя-демократа, отстаивавшего интересы народа. Он сознавал, что пишет для народных масс. Он черпал сокровища народного языка непосредственно из жизни. Как и все великие писатели, он любил живую народную речь, всегда внимательно прислушивался к ней. В фольклоре, в народном творчестве, Щедрин видел источник развития и обогащения литературного языка. В нём находил он меткое, сильное слово для своих художественных произведений.

Ратуя за простой и яркий, подлинно народный литературный язык, Щедрин вместе с тем решительно боролся против ложной народности, псевдонародности в литературном языке. В своих рецензиях на стихи и прозу он не раз осуждал стилизацию под народную речь. Он, например, с презрением писал об авторе одной брошюры, который, желая во что бы то ни стало «принизить себя до народного понимания», оснащал свою речь «всякого рода присловьями и стереотипными выражениями». Это свидетельствовало о том, что автор не понимал читателя, к которому обращался. «Он видит в народе,— писал Щедрин,— или низшую породу людей, или какое-то полудурье и, руководствуясь этим взглядом, измышляет для него низшего сорта мысли и форменно-простонародные речи. А между тем это совсем не так; народ и не дурак, и не низшая порода; он страдает только недостатком знаний, а потому и давайте ему знаний, только знаний, а не прикидывайтесь простяками, не обращайтесь к нему с речью и мыслями, с которыми вам было бы совестно обратиться к лицу, стоящему в общественной иерархии на одной ступени с вами» (стр. 192).

Следует пожалеть о том, что издательство и составитель книги В. Кирпотин почему-то не сочли нужным привести другие высказывания великого русского сатирика о языке. Борясь за общенародный национальный русский язык, Щедрин сатирически разоблачал, пародировал «язык» враждебных народу социальных групп. Он смеялся над «языком» царских правителей, высокопоставленных чинуш, угнетателей народа — над тем самым «языком», которым писались законы, распоряжения и циркуляры, направленные против трудящихся. Это был мёртвый, косный, серый «язык» помпадуров, ташкентцев, ретивых начальников, диких помещиков. Этому «языку» Щедрин противопоставлял (например, в «Убежище Монрепо») живой разговорный язык народа, богатый, меткий и ясный. «Вот к этому-то неизданному, но превосходнейшему словарю я всегда и обращаюсь, когда мне нужно вложить персты в язвы», — писал сатирик.

В «Письмах к тётеньке» Щедрин высмеивает «нелепую и напыщенную форму», к которой прибегают люди господствующих классов для выражения своих якобы благородных, возвышенных мыслей и чувств. На самом деле никаких возвышенных мыслей и чувств у этих людей нет и не может быть, ибо они казнокрады, шпионы, кровосмесители и другие «злокачественные вередя общественного организма». Они ничего не имеют за душой, кроме праха, и маскируют этот прах пышными фразами. «Казнокрад закатывает глаза, говоря о святости собственности; кровосмеситель старается пламенеть, утверждая, что семейство — святая; шпион рыдает, заявляя о своем сочувствии к «заблуждающимся, но искренно любящим свое отечество молодым людям» и т. д. И в то же время, и те, и другие, и третьи отыскивают отборнейшие выражения и стараются округлять периоды». Щедрин замечает при этом, что истинно возвышенное чувство никогда не прибегает к этим «округлениям», никогда не рядится в напыщенную форму, а «выражается просто, трезво, без вычур».

Гениальный русский сатирик ясно сознавал, что язык является оружием передовой, демократической литературы. Поэтому он и считал особенно важным умение сказать читателям то, что нужно: «...Уменье сказать именно то, что нужно, и именно так, чтобы нас слушали и понимали, есть великое уменье, которое дается очень немногим, но которым никто не имеет права пренебрегать».

Тем более этим умением не должны пренебрегать советские писатели, имеющие многомиллионную читательскую аудиторию. Они должны учиться у Щедрина искусству сочетать в своём творчестве глубокое идейное содержание с совершенством художественной формы, выражать глубокие мысли и чувства в простых, ярких, подлинно народных словах.

Ряд интересных замечаний о языке имеется в переписке Щедрина. К сожалению, письма сатирика в сборнике почти полностью отсутствуют. Включены только два письма: в редакцию «Вестника Европы» (апрель 1871 года) и А. Н. Пыпину (1 ноября 1883 года).

В письмах Щедрина, помимо высказываний о языке, имеется много интересных оценок литературных направлений, метких характеристик писателей-современников, отдельных литературных произведений. Такие письма следовало бы включить в рецензируемую книгу. В целом же этот сборник, несомненно, будет встречен советским читателем с интересом и удовлетворением. Он будет полезен и писателю, и критику, и преподавателю литературы, и каждому советскому человеку. Полезен потому, что в статьях, рецензиях и очерках этого сборника читатель найдёт блестящий образец высококачественной патриотической литературной критики, яркий пример борьбы за революционно-демократические принципы в литературе. Великий сатирик — предшественник литературы социалистического реализма — своим творчеством помогает нам поддерживать, вырашивать всё новое, передовое и трогать, выжигать всё старое, реакционное, помогает воспитанию передового человека советского общества — строителя коммунизма.

И. ВОСТРЫШЕВ

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Д. И. Чесноков (главный редактор), С. М. Абакин (главный редактор),
А. В. Березкин, В. Г. Григорьян, И. А. Дорошев, М. Д. Каммари, А. С. Кравченко,
С. П. Мезенцев, А. С. Мясников, А. Д. Никонов, П. Н. Поспелов, Ф. Д. Хрустов.

Адрес редакции: Москва, Ленинградское шоссе, ул. «Правды», 24. Тел. Д 3-36-38.

А 01411.

Подписано к печати 23/1 1953 г.

Тираж 650 000 экз.

Заказ № 3361. Изд. № 79. Формат бум. 70 × 108¹/₁₆. 4 бум. л. — 10,96 печ. л.

Типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.